

Калдовские *Миры*

ВАРВАРА ШИХАРЕВА

Чертополох

ЛЕСОВИЧКА

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш65

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *Е. Саловьевой*

Шихарева, Варвара Юрьевна.

Ш65 Чертополох. Лесовичка / Варвара Шихарева. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с.

ISBN 978-5-699-92877-4

Ее прежняя жизнь сгорела в пламени осажденного города, а горькая предательства легла на сердце тяжелым камнем, но травница Эрка Иргаш не сломалась, а ее душа по-прежнему полна отваги и сострадания.

Да только достаточно ли этого, чтобы спутать все планы пришедшему в ее край грозному тысячнику-колдуну Олдеру по прозвищу Амэнский Коршун, который до сего дня не знал поражений?

И стоит ли верить словам любви молодого владельца Ставгара, что упрямо пытается загладить свою нечаянную вину перед живой среди густого леса травницей?

Хозяин троп человеческих сплел судьбы этих троих в сложный узор, в котором смешались старые долги, колдовство и неисполненные клятвы. Узлы чародейского плетения стянулись так крепко, что теперь лишь время покажет, чем станет молодая женщина для двух заклятых врагов — гибелью или спасением, и какой путь изберет для себя сама травница.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92877-4

© Шихарева В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Иногда просто диву даёшься, сколько сил и времени требуется на то, чтобы просто поддержать в надлежащем виде налаженные быт и хозяйство, которые вроде бы и не очень большие, но... То прохудившуюся кровлю надо подлатать, то тын поправить, то перегородки в хлеву починить... А если вспомнить, что уже без малого четыре года я — вдова... Конечно, можно было бы позвать кого-то из деревенских, но я просила о подмоге Марека или Роско лишь в крайних случаях, стараясь общаться с соседями пореже: на мужскую помощь не полагалась, уже давно привыкнув всё делать сама. А потому, захватив топор, я с утра отправилась к примеченным мною ранее двум тонким сосенкам.

Угостив лесовика лепёшкой с мёдом, дабы не сердился за причинённый ущерб, я принялась за дело. В этот раз задерживаться надолго в лесу мне не хотелось, но, свалив дерева, я всё же решила передохнуть. Вытерев со лба пот — с самого утра парило немилосердно, — я только и успела, что выпить пару глотков воды из фляги, как сзади раздалось:

— И что же это ты одна по лесу бродишь? Никак мужика ищешь?

Я обернулась на голос. На краю полянки стоял не кто иной, как Ласло Гордек — толстые, короткие

пальцы засунуты за узкий пояс, над которым нависает объёмистое брюшко, кривые ноги широко расставлены, по лицу гуляет масляная, похабная улыбка... Гордеки — первые на всю округу задиры и потаскуны, а их до невозможности затюканные жёны пребывают лишь в двух состояниях — либо избиты, либо беременны...

— Шёл бы ты своей дорогой, Ласло... — Проследив, куда направлен взгляд Гордека, я потуже стянула на груди шнуровку рубахи и, в свою очередь, покосилась на лежащий у ног топор...

— Так я и шёл, а тут ты... — Теперь Ласло усмехался во весь рот. — Вся такая запыхавшаяся, зарумянившаяся... Может, отдохнём на травке, а я тебя приголублю — чай, соскучилась без мужика-то!

Произнеся последнюю тираду, Ласло стал вразвалочку подходить ко мне, а я споро нагнулась за своим немудрёным оружием и, ухватив его, распрямилась и произнесла:

— Только подойди, и я сама тебя приголублю... Топором по темечку!

Ласло остановился и снова усмехнулся.

— А медведем уже не пугаешь, ведьма? Или косолапые тебе больше не подчиняются?

— Подчиняются, да только на тебя и топора хватит... — Мне при таких раскладах, наверное, стоило бы волком завыть, но я, вспомнив, как в прошлом году драпал с почти вот такой же лесной полянки старший брат Ласло, не выдержала и улыбнулась. Жаждающий любовных утех Берко подловил меня возле малинника, но его пьяный крик: «Попалась, вдовушка!» — потревожил лакомящегося спелыми ягодами медведя. Лесной хозяин высунул голову из кустов и громко, выражая своё недовольство, рыкнул — этого хватило,

чтобы Берко, придерживая уже наполовину — не терпелось ему!!! — спущенные штаны, пустился наутёк... А меня с той поры в деревне стали именовать не только травницей или бэрской жёнкой, но и ведьмой — две дурочки даже за приворотным зельем приходили и очень обиделись, когда я их с такой просьбой послала куда подальше...

Увы, скользнувшую по моим губам улыбку Ласло истолковал по-своему и снова двинулся вперёд, приговаривая:

— Ну что же ты кочевряжишься!.. Бабы для того и созданы, чтоб ноги раздвигать!

И тут из-за деревьев раздалось грозное:

— Гр-р-р-р!!!

Ласло, мгновенно изменившись в лице, застыл на месте столбом, а справа от меня заколыхались сосновые лапы и раздалось повторное — ещё более сердитое и раскатистое:

— Гр-р-р-р!!! Р-р-р-р!!!

Ласло как-то нехорошо позеленел и что было мочи бросился наутёк, а я, перехватив топор поудобнее, развернулась навстречу рассерженному зверю. Всё равно бежать от косолапого — последнее дело: при желании медведь человека в два счёта догонит...

— Ишь ты, смелая... — вдруг произнёс за деревьями низкий, хрипловатый голос. Ветки раздвинулись, и на полянку вместо медведя вышел высокий воин в полных амэнских латах... А он-то откуда здесь взялся?!! Наш князь их войско под Эрглем ждёт!!!

Солнечные лучи заиграли на массивном нагруднике латника, и я, рассмотрев украшающую его эмблему, помертвела, а внезапно ставший неподъёмно тяжёлым топор едва не выскользнул у меня из рук... «Карающий!!!»... Мой детский кошмар, моя несостояв-

шаяся когда-то смерть всё-таки нагнали меня... Предки-заступники, пусть это надо мною за срубленные сосенки леший изгаляется!.. Пусть...

Увы, моим чаяниям не суждено было сбыться: из-за деревьев появились ещё с десяток воинов — их арбалеты были нацелены на меня, а первый подошёл ко мне и сказал:

— Отдай топор, лесовичка... Не дури...

Я послушно разжала пальцы: даже если и ударю, то в следующее мгновение стрелы остальных меня догонят... Амэнец, перехватив топор одной рукою, другой коснулся моей щеки, заглянул в глаза...

— Умница... Не бойся, не обидим... В деревне живёшь?

Я отрицательно качнула головой. У моего воплощённого кошмара одно плечо было явно выше другого, а ещё он был смугл и полностью сед, несмотря на то что исполнилось ему никак не больше тридцати семи — тридцати восьми. Ну а такого выразительного лица с по-мальчишески ехидной и лукавой улыбкой я никогда в жизни не видела... Впрочем, как и настолько чёрных, бездонных глаз... А ведь «Карающий» — колдун, и не из слабых, такое я сразу отличу...

Амэнец тоже словно бы что-то почувал — отвёл взгляд, отстранился...

— Что ж, так даже лучше. Проводи нас к своему дому — только без выкрутасов!.. Эй, свяжи ей руки! — Это уже подоспевшему к нему ратнику. Тот со знанием дела принялся выкручивать мне локти. Я по-прежнему не сопротивлялась — смысл?.. К деревне эту саранчу я хоть так, хоть иначе не провела бы, а на заимке они никому, кроме кур да коз, не навредят, да и я получу хоть немного времени... И, кажется, я знаю, откуда они здесь взялись...

— Правильно ты этому красномордому не дала. — Амэнец стянул последний узел, усмехнулся. — Все деревенские рохли — трусы, не то что мы... — Тут «Карающий» неожиданно наклонился вперёд, и я почувствовала, как его губы коснулись моих... Вот только пылко поцелуя не получилось — сковавший меня первый, почти животный страх схлынул, так что через миг не в меру ретивый амэнец отскочил от меня как ошпаренный, а по его подбородку потекла тонкая струйка крови.

— Что ж ты кусаешься, кошка дикая!.. Я же шутя!!!

Остальные воины, увидев такой поворот дела, просто зашлись оглушительным хохотом, который лесное эхо тут же переиначило на все голоса, а я досадливо поморщилась — ничего весёлого или приятного я в ухаживаниях амэнца не видела... Ратник между тем вытер с подбородка кровь и усмехнулся.

— Знаешь, а мне нравятся такие норовистые — в них огня много... Может, попробуем ещё раз? — Он уже сделал шаг ко мне, когда кривоплечий, явно бывший среди этих амэнцев старшим, решил вмешаться.

— Не распускай свой фазаний хвост, Ильмарк! Не видишь, что ли, — госпожа дикарка не в настроении, с самого утра ухажёров топором гоняет... Притомилась... — Яда в голосе седого хватило бы на десяток гадюк — неудивительно, что смех ратников мгновенно затих, да и Ильмарк, услышав такие слова, сник, сразу же растеряв всю свою наглую уверенность. Кривоплечий же подошёл ко мне и ледяным тоном приказал: — Ну что ж, веди...

Дорогу к своему лесному жилью я нашла бы и с закрытыми глазами, так что ничто не мешало думать, пока я медленно вела амэнцев сквозь чащу... Вряд ли

«Карающие», если б их был всего десяток, вели себя во вражеском лесу столь нагло и по-хозяйски, а значит, я столкнулась с авангардом. Разведчиками, должествующими разузнать дорогу для остальных вооружённых до зубов воинов, которые наверняка притаились где-то неподалёку... Большой отряд никак не мог попасть к нам посуху, минуя княжеские заставы, но вот по реке... Протекающая неподалёку Лерия на землях астарцев впадает аккуратно во Внутреннее море, а поскольку их владыка в союзе со всеми и, одновременно, ни с кем, он вполне мог пропустить корабли амэнцев вверх по течению. Ну а густые леса, покрывающее берега Лерии, послужили отрядам «Карающих» надёжным укрытием... Я тяжело вздохнула — в пользу моей догадки говорило и то, что вчера я тщетно дожидалась на берегу для привычной мены старого Корно из Выселок — их деревенька стоит как раз на берегу Лерии, немного ниже по течению. Вначале я решила, что его задержали какие-то дела, но теперь мне было ясно, что безобидный обожающий мёд старик уже сутки мёртв. Так же как и другие обитатели Выселок — «Карающие» хуже чумы, они никого и никогда не щадят... Уж я-то знаю...

Мой горький вздох не остался незамеченным — тяжёлая рука тут же опустилась мне на плечо и кривоплечий шепнул:

— Если почувствую, что хитришь, лесовичка, то рассержусь. Усекла?

Вместо ответа я лишь мотнула головой в сторону образовавшегося просвета между деревьями — в нём как раз виднелись угол больше чем наполовину вкопанного в землю старого дома и колодец с журавлём. Кривоплечий предостерегающе поднял руку, и воины позади нас замерли как по волшебству, а ещё че-

рез пару мгновений четверо ратников, повинуясь короткому приказу командира, осторожно двинулись в обход дома, держа оружие наготове. Я же, видя их осторожную и вместе с тем хищную повадку, впервые порадовалась тому, что все дорогие мне люди уже спят в сырой земле: мёртвым всё равно, и даже амэнцы не смогут им навредить...

А ведь если б Ирко был жив, он бы наверняка бросился мне на помощь, да только что бы он мог противопоставить вооружённым до зубов амэнцам, кроме своей воистину медвежьей силы и рогатины?.. Нет, «Карающие» не убили бы его сразу — за непокорство быстрой смертью от них не отделаешься!!! Они бы ранили его, скрутили по рукам и ногам, а потом заставили бы смотреть, как их товарищи по очереди насилуют меня... Именно так амэнцы поступили с моим братом, которого отец, уходя защищать стены города, оставил с семьёй. Один из «Карающих» держал связанного Мику за волосы, а остальные изгалялись над матерью и старшей сестрой...

А если бы от лесной лихорадки год назад не умерла Мали — моя единственная отрада, моя кровиночка! — кривоплечий, заполучив в свои лапы кроху, мог бы из меня верёвки вить!.. Из-за страха за жизнь дочки я бы пошла на всё что угодно: на животе перед ним ползала бы, сапоги бы ему выцеловывала... Так уж получается, что больше всего боятся те, кому есть что терять, но мне по воле предков страшиться уже нечего... Я свободна как в своём выборе, так и в своей смерти...

— Что же ты одна в такой глухомани живёшь?.. — Выслушавший доклад вернувшихся разведчиков глава отряда опять повернулся ко мне. — А если помощь понадобится или звери дикие?

В его хрипловатом голосе сквозь привычную иронию проступило что-то, похожее на сочувствие, но на меня внезапная жалость амэнского душегуба подействовала точно шпоры, загнанные в бока породистой лошади. Убаюканная было память уже напомнила мне, чего стоят как улыбки, так и любые слова «Карающих»!

— Помощи не жду, а что до диких зверей, так от них я зла не видела. Разве что от людей...

Услышав такую дерзость, кривоплечий награбил меня новым, уже совсем нехорошим, пристальным взглядом и медленно произнёс:

— Человек человеку — волк, это правда, вот только как до этой истины додумалась лесная дикарка?

Бездонная глубина глаз поседевшего до времени амэнца стала действительно страшной, и я поспешила отвести взгляд. Нечего ему до поры до времени знать, что творится у меня в душе.

— У меня мужа разбойники изранили. Прямо на тракте...

Это была правда. Далеко не вся, конечно, но кривоплечему, на моё счастье, хватило и этого. Задумчиво кивнув, он тут же потерял ко мне интерес, переключив своё начальственное внимание на рассыпавшихся по моему подворью подчинённых.

Следующий час я, сидя на завалинке, с полнейшим безразличием наблюдала, как амэнцы в пух и прах разносят моё хозяйство. Они умудрились утопить в колодце ведро, ради супа свернули головы моим лучшим несушкам, окончательно повалили тын и в поисках укропа и лука вытоптали сапогами весь огород. Даже из сарая доносилось возмущённое меканье коз напололам с печальным коровьим мычанием, и лишь стоящие на отшибе стройные ряды ульев не постра-

дали — то ли амэнцы не любили мёд, то ли опасались пчелиных жал...

Не успела как следует задуматься над этим вопросом, как из открытого окошка, под которым я сидела, раздался жалобный звяк разбитой миски, и я наконец-то ощутила... Нет, не возмущение, а обычное удивление: ну как ратники могут быть такими криволапыми?.. Хотя, в общем-то, к чему амэнцам осторожничать — не своё, не жалко, но вот я... Я ведь и на огород, и на кур, и на дом столько сил положила — работала не разгибаясь, а теперь мне всё равно. Наверное, потому, что вечными хлопотами я старалась отгородиться от собственной памяти, а теперь это не нужно, да и ничего действительно ценного в доме нет, по-настоящему дорогие для меня вещи я храню в тайнике среди разросшихся за банькой лопухов. Обретённая после пожара и побега из Реймета привычка долгие годы даже мне самой казалась совершенно глупой, а теперь получается, что я всё это время подспудно ожидала чего-то подобного...

И теперь пришёл час напомнить самой себе, что мое имя — не Эрка, а Энейра, я знаю историю и географию, умею правильно говорить, бегло читаю и пишу, а заодно легко могу пояснить значения гербов знатных крейговских семейств. Эти навыки и имя совершенно не вяжутся с засевшей в лесной глуши, одевающейся по-мужски дикаркой с кое-как заплетённой растрёпанной косой, но я была такой не всегда.

Мой отец, Мартиар Ирташ, происходил из рода пусть и небогатого, но древнего. Тем не менее на нашем гербе красовались не мифические чудовища или хищные птицы, а вставал на дыбы разорвавший узду конь. Отец, как и его деды и прадеды, всем занятиям

предпочитал воинское, а ещё раз в год он брал всю семью в княжеский замок — там главы благородных родов, целуя руку сидящему на троне Крейговскому Владыке, вновь повторяли свою клятву верности. От домашних же требовалось не ударить в грязь лицом, а потому я с малолетства была приучена носить длинные юбки и тесные, тяжёлые платья, а ещё держаться с достоинством, невзирая на окружающий и удивляющий тебя шум, блеск и гам... И это у меня очень неплохо получалось, но ровно до тех пор, пока в материнское воспитание не вмешивалась прабабка — она сама воспитала отца, потерявшего родителей ещё в малолетстве, и теперь жила с нами. Несмотря на почтенный возраст и покрытое морщинами лицо, она оставалась сухой и подвижной, точно ртуть, а её интересы простирались далеко за пределы дома. Нарсия Ирташ смыслила в колдовстве и хорошо разбиралась в травах, а потому каждый день ходила в больницу для бедных, находившуюся на попечении жриц Малики. Там она вскрывала нарывы и учила молоденьких жриц готовить мази и накладывать компрессы, а потом, так и не растратив всех жизненных сил, возвращалась домой и, увидев, как мать учит нас вышивать бисером, не выдерживала:

— Эльмина, ну зачем ты растишь из девочек садовые цветы? Они ведь совершенно бесполезны!!!

Мать на эту гневную тираду лишь вежливо улыбалась.

— Я так не думаю, матушка. Красота умягчает сердце и радует душу.

— Угу, — услышав такое или подобное замечание, прабабка распялялась ещё больше. — Вот только много ли останется от такой красоты, когда придут ненастье и град?! А?

Вид рассыпающей громы и молнии крошечной прабабки был грозен и смешон одновременно, и мы с Элгеей, не выдержав, начинали хихикать, прячась за пальцами. Мать бросала на нас осуждающий взгляд, а Нарсия между тем продолжала:

— Если уж решила растить из детей цветы, то воспитывай не розы и лилии, а чертополох! Этому колючему сорняку ни град, ни засуха нипочём, и даже если конь его затопчет, он найдёт в себе силы распрямиться!

Произнеся очередное восхваление живучести сорняков, прабабка величественно удалялась из комнаты, а мать, возведя очи горе, только и могла произнести.

— О, боги...

Вечный спор матери и прабабки разрешила сама жизнь — отец получил назначение в находящийся на границе с Амэном Реймет и, конечно же, забрал нас всех с собой. Прячущийся за стенами столетней крепости городок оказался маленьким, почти игрушечным, особенно если сравнивать его с тем же Ильёю, но я полюбила его сразу и всей душой. Прихотливо извивающиеся улочки Реймета отличались какой-то уютной чистотой, а обитатели городка были намного приветливее жителей столицы. Они никогда не суетились, не толкались впопыхах, а неожиданный вопрос сопливой девчонки вызывал у них не глухое раздражение, а улыбку и желание помочь. А ещё они оказались удивительными мастерами: не только возле крошечных лавочек, но и подле входной двери обычного дома можно было стоять часами, любуясь резьбой, в которой причудливо переплетались древесные ветви, цветы и птицы...